

Цзин Юньшу принял пиалу, осушил её одним глотком и с облегчением выдохнул. Вернув её в руку Чжун И, он негромко произнёс:

— Давно мы так не засиживались... Оставайся здесь.

Договорив, он снова улёгся на ложе и отвернулся к стене.

Чжун И пристально посмотрел на него, после чего поднялся и вернул посуду на столик. Он поворошил угли в жаровне, отчего в комнате стало ещё теплее. Затем прошёл во внутренние покои, достал из шкафа тяжёлое одеяло и расстелил его прямо на полу. Под этой комнатой проходили обогревающие пол каналы — дилун, поэтому она считалась самой тёплой в усадьбе. Юньшу отличался хрупким здоровьем и начинал мёрзнуть уже в октябре, так что топить здесь приходилось загодя.

Обычный человек возле такой жаровни мгновенно взмок бы от жары, а уж спать на тёплом полу можно было без всяких опасений простудиться. Для закалённого многолетними тренировками Чжун И это и вовсе не представляло трудности. Одеяло он расстелил лишь для того, чтобы не шуршать и не тревожить чуткий сон хозяина. Цзин Юньшу спал на удивление спокойно и терпеть не мог, когда кто-то находился с ним в одной комнате. Исключение делалось лишь для Чжун И, умевшего задерживать дыхание и замирать тише тени.

Стоило стражу лечь, как с ложа донёсся тихий, вкрадчивый голос:

— Ложись здесь.

В последние два года кошмары терзали Юньшу редко, и Чжун И не ожидал, что тот снова разыграет эту карту — непременно дождётся, пока постель на полу будет готова, и лишь тогда позовёт к себе. Мужчина досадно стиснул зубы. Будь на месте Юньшу кто-то другой, его давно проняло бы до костей от одного лишь ледяного взгляда молчаливого великана. Но Юньшу ничуть не боялся своего телохранителя. Поняв, что спорить бесполезно, Чжун И вздохнул, свернул одеяло и убрал его обратно в шкаф. Подойдя к ложу, он осторожно, едва слышно отстегнул и положил на столик тяжёлый меч, стараясь не нарушить тишину.

Юньшу повернулся к нему. Он смотрел на него с мягким теплом в ясных глазах, отражавших трепетный огонёк свечи, — теплом, которое берёт лишь для самых близких. Он лукаво усмехнулся.

«Всё-таки поспишь на полу?»

Юньшу приподнял бровь, но благоразумно удержал этот вопрос при себе. Лишь картинно вздохнул:

— Скучный ты. Ладно, ложись. Только скинь верхний халат.

С этими словами он подвинулся ближе к стене, уступая место.

Чжун И послушно снял верхнее платье, лёг рядом и укрыл их обоих тёплым одеялом. Резким щелчком пальцев он послал невидимый поток воздуха — раздался тихий свист, и свеча погасла.

В полумраке комнаты, слабо подсвеченной отблеском уличного снега, Юньшу перевернулся на спину:

— Завтра не забудь подобрать камень.

— Угу.

В комнате воцарилась глубокая тишина. Казалось, даже ветер утих, уступив место мягкому шороху падающего за окном снега. И лишь на огарке толстой красной свечи, украшенной искусной резьбой с резвящимися рыбками, покоился круглый, гладкий камень из чёрного нефрита.

Юнъань лежал на юго-западе Поднебесной, поэтому рассветало здесь довольно поздно. Тем не менее обитатели поместья Цзин давно были на ногах. Стражники, успев наколоть дрова во время утренней разминки, передали охапки слугам, которые тут же разнесли их по кухням. Жаркое пламя уже вовсю гудело как в господском очаге, так и в больших печах для дворни.

Служанки первого ранга привычными, отточенными движениями опустили тяжёлые войлочные занавеси на окнах главной спальни в Сливовом саду — это спасало от духоты, но удерживало тепло. Затем они осторожно приоткрыли рамы в купальне и кабинете. В самой же спальне по-прежнему царил уютный, прогретый жаровнями полумрак, надёжно оберегающий покой хозяина от навязчивого утреннего света.

Убедившись, что всё готово, Чжили сделала едва заметный знак рукой. Девушки послушно, одна за другой, выскользнули за дверь, не издав ни единого шороха.

Цзин Юньшу никогда не принуждал четырёх своих главных помощниц носить одинаковое платье: они вольны были одеваться по своему вкусу, лишь бы соблюдались рамки приличий. На Чжили сегодня была нарядная красная безрукавка с вышивкой, придававшая ей праздничный вид. Остановившись у ворот двора, она негромко обратилась к Чжиянь:

— Побудь пока здесь. А я пойду на кухню, прослежу, чтобы завтрак держали на углях.

Чжиянь молча кивнула и вернулась под навес.

Заглянув во внутренние покои, Чжихуа удивлённо шепнула:

— Брата Чжуна не видно...

Обычно верный страж спал на кушетке во внешней комнате, карауля покой хозяина.

Чжили невольно встревожилась.

«Что же стряслось вчера?»

Но вслух ничего не сказала, зная, как её господин не любит чужого любопытства. Повернувшись к Чжихуа, она распорядилась:

— Найди Сан Се. Пусть уводит стражников на тренировку за город. И предупреди распорядителя Чэня: слугам младших рангов сегодня запрещено приближаться к Вратам Отражённого Снега.

— Всё сделаю, сестрица, — кивнула Чжихуа.

— Тогда я побегу к господину Циню за снадобьем, — добавила Чжили.

— Ну и мастерица ты, сестрица! — восхищённо вздохнула Чжихуа. — Всего за год так во всём разобраться!

Заметив, как любопытно прислушивается молчаливая Чжимо, она склонилась к её уху и заговорщически прошептала:

— Когда у меня в прошлый раз так разболелся живот от женской хвори, сестрица заварила мне сбор — и как рукой сняло!

Отстранившись, она уже громче добавила с улыбкой:

— Скоро ты самого господина Циня превзойдёшь!

— Не мели чепухи, — беззлобно прервала её Чжили. — Где я, а где божественный лекарь! Мне до его мастерства как до звёзд. Но господин так добр к нам... Если я могу хоть немного облегчить его недуг, для меня это величайшая радость. К тому же приготовление лекарств для него я ни за что не доверю чужим рукам.

Она ласково взглянула на третью девушку и улыбнулась:

— Да и наша Чжимо умница. Сколько они с господином вместе учились грамоте у лекаря Циня, а её почерк теперь куда изящнее господского!

Девушки дружно рассмеялись. Чжимо, будучи натурой застенчивой, мгновенно залилась румянцем, но всё же прикрыла рот шёлковым платком, тихонько вторя остальным. К каллиграфии молодого господина, далёкой от идеала, в усадьбе все давно привыкли, да и сам он частенько позволял служанкам подтрунивать над своими каракулями.

В то утро никто не смел нарушить тишину господских покоев. Согреваемый дыханием Чжун И и теплом жаровни, Цзин Юньшу проспал до самого полудня и проснулся на редкость отдохнувшим. Чего нельзя было сказать о его телохранителе: проснувшись на рассвете, великан несколько часов пролежал без движения, боясь пошевелиться, отчего у него затекло всё тело. Едва хозяин открыл глаза, страж тут же сбросил одеяло и поспешно поднялся на ноги.

Юньшу лишь усмехнулся — он прекрасно знал характер своего защитника и понимал, что тот проявил редкое терпение. Ничуть не обидевшись на его поспешность, юноша укутался поплотнее и блаженствовал в постели ещё четверть часа. Наконец он мысленно вызвал системную панель, чтобы проверить состояние своих лавок по всей стране. Сейчас уровень его главного предприятия едва достиг пятого. Бегло просмотрев отчёты о доходах за последние месяцы, он остался доволен цифрами.

Удостоверившись, что дела идут гладко, Юньшу заглянул во вкладку системного магазина. Выбрав несколько полезных мелочей, он подтвердил покупку и только после этого решил подняться. Юноша не любил, когда служанки помогали ему одеваться, поэтому нижние одежды всегда надевал сам, доверяя девушкам лишь накинуть сверху тёплый халат. Поскольку выезжать со двора сегодня не планировалось, он позволил причесать себя попроще — собрать волосы в небрежный пучок и заколоть простой нефритовой шпилькой.

Из-за слабого здоровья Цзин Юньшу строго следил за своим столом. Его утренний рацион всегда отличался разнообразием и обилием полезных блюд — именно в это время суток он ел охотнее всего. Покончив с трапезой, он неторопливо выпил чашку чая, дал себе немного отдохнуть и поднялся:

— Пойду пройдуся.

Чжили тут же подала его любимый плащ на лисьем меху, заботливо завязала тесьму у горловины и опустила на колени, расправляя складки подола. Поднявшись, она мягко заметила:

— Дорожки во дворе расчистили, молодой господин, но снег всё ещё идёт. Берегите себя, на улице скользко.

С этими словами она вложила в его руки тёплую нефритовую грелку с ушками зверя и последовала за ним во двор.

Зал Сюаньчжэн

В просторном зале воцарилась гнетущая тишина. Собравшиеся сановники замерли, опустив взоры и отрешённо уставившись в пол. Каждый из них безмолвно взвешивал происходящее, скрывая истинные мысли за маской бесстрастия. И лишь один человек — мужчина в пурпурном чиновничьем одеянии — не мог скрыть глубокой тревоги, проступившей на лице. То был Янь Фан, старший сын знатного рода Янь, занимавший высокий пост вице-директора Канцелярии. Среди всех своих воинственных родичей он один избрал стезю гражданской службы.

Пронзительный, тонкий голос евнуха эхом разнёсся по переходам дворца, передавая высочайшее повеление. Спустя мгновение со стороны врат послышался тяжёлый, уверенный стук кованых сапог.

Вошедший воин даже не снял доспехов. Из-под боевого шлема он смотрел на присутствующих суровым, ястребиным взглядом; его волевой подбородок скрывала густая окладистая борода. Особое удивление вызывало то, что он посмел явиться пред очи государя с мечом на поясе. Впрочем, подобная милость дозволялась лишь избранным — представителям великого клана Янь, чьи предки со времён императрицы У Цзэтянь на протяжении четырёх поколений проливали кровь за престол и стяжали славу безупречных защитников государства. Перед троном предстал младший сын прославленного дома, генерал Янь Чжэн.

Поскольку на нём была воинская броня, генерал совершил воинское приветствие: опустившись на одно колено, он почтительно сложил руки перед грудью и звучно произнёс:

— Верный слуга вашего величества Янь Чжэн приветствует государя. Да продлит Небо ваши годы на вечные времена!

Император, восседавший на возвышении, молча окинул воина испытующим взглядом, но подниматься не приказал. Вместо этого он сухо спросил:

— Генерал Янь проделал долгий путь. Расскажи, какова сейчас обстановка на рубежах царства Юйцзан?

— Границы на замке, ваше величество. Никаких признаков войны, — твёрдо ответил Янь Чжэн.

Владыка Поднебесной неспешно поднялся со своего драконьего трона и принялся мерить зал неторопливыми шагами. Почти все сановники, за исключением нескольких старейших канцлеров, стоявших у самого подножия помоста, испуганно потупились, не смея встретиться с ним взглядом.

Поглаживая тонкими пальцами холёные усы, император протянул:

— Любезный генерал... То, что на рубежах царит покой, а подданные наши не знают бед, несомненно, твоя величайшая заслуга.

Вкрадчивые слова государя таили в себе скрытую угрозу. Почуввав неладное, Янь Чжэн опустил уже на оба колена и склонил голову:

— Ваш покорный слуга мало что смыслит в речах. Мой единственный долг — беспрекословно исполнять волю вашего величества.

Император мгновенно окинул его ледяным взглядом.

— Не смыслишь?! — взорвался он. — А то, что прижизненные храмы в твою честь, великий генерал, строят уже чуть ли не у самых ворот Чанъаня, ты тоже не смыслишь?!

С этими словами правитель выхватил с подноса замершего подле евнуха толстую тетрадь и с силой швырнул её прямо в грудь коленопреклонённому воину.

Стоявший в толпе чиновников Янь Фан побледнел. Он до боли закусил губу, а его пальцы в просторных рукавах невольно сжались в кулаки.

Янь Чжэн сохранил внешнее хладнокровие. Он спокойно поднял упавшую на пол тетрадь в алом переплёте. То был тайный реестр соглядатаев из гвардии Лунху — особого сыскного ведомства, учреждённого государем для сбора сведений по всей империи. На страницах пестрили подробные зарисовки и описания тех самых прижизненных храмов, которые благодарный народ возводил в честь победоносного военачальника.

Генерал вновь простёрся ниц. Его голос, глухой и тяжёлый, разнёсся по притихшему залу Сюаньчжэн:

— Ваше величество! Именно об этом ваш ничтожный слуга и намеревался доложить. Я доставил в столицу народное прошение, скреплённое тысячами подписей, и умоляю позволить мне лично передать его вашему величеству без свидетелей.

<http://bllate.org/book/18296/1757992>